

сонифицированная добродетель. Но Пушкин отошел от традиции, дав Гриневу возможность не резонерствовать по подобию прежних добродетельных героев, а жить «полнокровной жизнью, которую тот запечатлевает в своих записках во всей ее целокупности, не отстраняясь от собственного суда, как это делали прежние литературные герои, не помышлявшие о беспощадном отношении к себе, но им, этим судом, руководствуясь, с ним сообразуясь, к нему прислушиваясь».

В том и состоит художественное открытие Пушкина, что он поставил искренность своего героя под контроль его же «собственного — самокритического и самоиронического — суда, показав, что самокритика и самоирония, дополняя и взаимообуславливая друг друга, обеспечивают человеку, который берется за описание собственных жизненных злоключений, физическую возможность быть искренним. Ибо не дают развиваться в нем опаснейшему душевному недугу — той любви, какой «никого так не любишь... как самого себя».

Литература

1. *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. — М., 1981. Т. 6.
2. *Рассадин Ст.*, Фонвизин. — М., 1980.
3. *Гей Н. К.* Проза Пушкина. Поэтика повествования. — М., 1989
4. *Альми И. Л.* О некоторых особенностях литературного характера в пушкинском повествовании // Болдинские чтения. Горький, 1986.
5. *Цветаева М.* Мой Пушкин. — М., 1981.
6. *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1949. Т. 13.

Г. В. КРАСНОВ
(Коломна)

КАВКАЗСКИЕ ДОРОГИ ПОЭТА («Путешествие в Арзрум» Пушкина)

Русско-турецкая война была новым испытанием для русского общества, еще не отошедшего от событий 1825 г. в Петербурге. А. С. Хомяков, отправляясь в Дунайскую армию, успокаивал себя и своих друзей романтизированным, знакомым образом Певца («Ударил час, прощайте други!»):

Быть может, не венец лавровый,
Кровавый мне готовится венец,
Но над тобою, рок суровый,

И там, как здесь, возносится певец, —
И там, как здесь, в последнее мгновенье
Спокойно улыбнулся я
Мне явятся веселые виденья,
Мне явятся далекие друзья.

У Н М Языкова — упование на свободу Греции, находившейся под игом Османской империи (в послании «А Н Вульффу»):

За Русь, товарищ, за свободу
Элады пламенных сынов,
На гром бойниц, в огонь и в воду
Пойдешь ты, силен и суров!

У А С Грибоедова патриотическое воодушевление (см его письма от 27—30 июня 1828 г, 24 июля 1828 г Ф В Булгарину) так или иначе связано с его генеральным «Проектом учреждения Российской Закавказской Компании» У А. А. Бестужева-Марлинского — отдаленный полуиронический отклик из ссылки в письме своим братьям: «Иду молиться за своего благодетеля (Николая I — Г К.) и пожелать сердечно, чтобы русские солдаты в светлый день его рождения сделали ему достойный подарок, например какую-нибудь турецкую крепость первого ранга» [1, т 2, с 633]

Пушкина, как известно, вначале на эту войну не тянет. Через неделю после манифеста об объявлении Турции войны, 21 июня 1828 г. он, сообщая Бенкендорфу, что «следующие 6 или 7 месяцев» остается «в бездействии», просит отпустить его в Париж. Однако за военными действиями следит, читает реляции, а в «Московском вестнике» — стихи А. С. Хомякова. Отношение к войне у поэта пока полунейтральное, хотя мотивы войны, жизни и смерти в его поэзии вновь возникают именно в это время: «Ворон к ворону летит...», «Сто лет минуло, как тевтон..» (перевод начала поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод») Более или менее непосредственный отклик на военные события 1828 г находим в письме поэта к П. А. Вяземскому, в Пензу, от 1 сентября 1828 г.: «Стихов ей (П. Н. Всеволожской — Г. К.) не шлю, ибо на такой дистанции не стреляют даже и турки» [2, т. XIV, с. 27].

И вдруг самовольный, без благословения правительства, отъезд Приятель П. А. Вяземского, знакомый Пушкина чиновник по особым поручениям А. Я. Булаков сообщал своему брату 21 марта 1829 г о планах Пушкина: «Он едет в армию Паскевича узнать ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть

все это» [3, с. 27]. «Воспеть все это» — вероятно, домысел Булгакова. Вяземский замечал его склонность увлекаться «своим воображением». Да из «Предисловия» к «Путешествию в Арзрум» мы помним устойчивое мнение поэта: «Приехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны — слишком самолюбиво, а с другой — слишком непристойно» [2, т. VIII, с. 442].

Первые встречи с «дальними соотечественниками»; «калмыцкие нежности» и «черкесское негодование» («У них убийство — простое телодвижение») затем поэтически сближены. Первозданная, «дикая краса» («Калмычке») и драматическая красота поединка в «Делибаше»:

Мчатся, сшиблись в общем крике...

Посмотрите! каковы?..

Делибаш уже на пике,

А казак без головы.

По «Путешествию в Арзрум», по военным запискам генерала Н. И. Ушакова, по воспоминаниям М. И. Пущина, служившего тоже в Кавказской армии, известна отважная попытка поэта «схватиться с турком». Однако не ухарство, не молодечество только соперничал поэт. Его рисунок человека на фоне войны значительно сложнее:

Но боюсь: среди сражений

Ты утратишь навсегда

Скромность робкую движений,

Прелесть неги и стыда!

(«Из Гафиза»)

Первозданная краса природы, ее стихий — это еще и свобода, самоутверждение лирического героя:

Кавказ подо мною. Один в вышине

Стою над снегами у края стремнины;

Орел, с отдаленной поднявшись вершины,

Парит неподвижно со мной наравне.

Отселе я вижу потоков рожденье

И первое прозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной...

Лирический герой — у истоков жизни, перед ним вся картина мира, с ее мирными началами и междоусобицами: Терек «Играет и воет, как зверь молодой, // Завидевший пищу из клетки железной...»

Мир с его привлекательными и суровыми законами открывается заново. «Граница, — читаем в «Путеше-

ствии...», — имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочевую, скитаясь, то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырвался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России [2, т. VIII, с. 463].

Соприкосновение с другим берегом, с другой жизнью («Другая жизнь» и «берег дальний»), человеческое единство и разъединение («Из края мрачного изгнания // Ты в край иной меня звала»), соотношение личного, государственного и наивысшего, вечного, недостижимого. «Жадно глядел я на библейскую гору, — признавался поэт, — видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни, и врана и голубицу излетающих — символы казни и примирения...» ([2, т. VIII, 463]. Священная гора подсказывает библейский мотив стихотворения «Монастырь на Казбеке» (1829).

Русско-турецкая война шла с переменным успехом на двух фронтах, Кавказском и Балканском, и после падения Адрианополя в августе 1829 г войска генерала И. И. Дибича вышли к Константинополю. 2 сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский мир. Пушкин откликнулся на него нетрадиционным стихотворением «Олегов щит» (1829), вторая строфа которого («Настали дни вражды кровавой .») некоторыми исследователями толковались как «упрек Дибичу за нерешительность» [5, с 195—196] (вроде будущего лермонтовского упрека: «Богатыри не вы...»). С. А. Фомичев справедливо полемизирует с этими предположениями: «...Странное сближение позволяет Пушкину острее почувствовать сущностное несходство двух исторических событий» [6, с. 189] Пушкин разрушает обычный «образный параллелизм», который сохранялся в поэтических откликах А. С. Хомякова («Андропополь»), Ф. И. Тютчева («Видение») и др. Поэтическая доминанта второй строфы — в стихах:

Твой холм потрясся странным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

Фантастическая картина, предопределившая исход похода, имела свой вариант:

Твой гроб раскрылся с бранным гулом
Твой слабый стон нас заградил...

Последние два стиха в черновом наброске:

Своею тенью

Твой старый щит остановил

Действительно, тень Олега, как вещая сила, обозначила судьбу нового похода к Константинополю.

Вслед за политической элегией, о которой интересно писал Л. Г. Фризман [7, с. 86—99] Пушкин создает мифологизированную «политическую» балладу.

Особое художественное видение, а не нравоучительная параллель, оказывается решающим и в другом, неопубликованном при жизни поэта стихотворении — «Опять увенчаны мы славой...», наброски которого сделаны в том же 1829 г. Каждая строка этого произведения прошла через творческое сознание поэта. Первый же стих кажется на первый взгляд расхожим, банальным. В «Олеговом щите» уже было: «Но день, когда мы вновь со славой...». И это повторение не случайно. Центральным событием всей войны Пушкину кажется взятие Арзрума («Решен в Арзруме спор кровавый...»). Арзрум был взят 27 июня 1829 г. «Полки наши пошли в Арзрум» — свидетельствует он в «Путешествии...», — и 27 июня, в годовщину Полтавского сражения, в 6 часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделью» [2, т. VIII, с. 475].

Пресса той поры тоже не пропустила это знаменательное совпадение: «Итак, 27 июня, день, ознаменованный уже незабвенною Полтавскою битвою, чрез сто двадцать пять лет новым славным событием соделался достопамятным в летописях нашего отечества. Столица Анатолии, заключающая до 80.000 жителей, богатая внутренними средствами к обороне, обнесенная двумя крепкими стенами, защищаемая 200 пушками, в первый раз в день сей, со времени владычества в оной поклонников Магомета, склонила гордую главу свою пред грозным оружием победителей!» [8, с. 1]. Пушкин и позже, в предисловии к «Путешествию...», перечисляя удачи русской армии на Кавказе, заключал: «...все это, увенчанное полным успехом...» [2, т. VIII, с. 442]. Он дорожил высоким стилем.

Арзрум Пушкин выделяет как символ той войны, ее кульминацию. И до Арзрума было взятие Карса, Ахалцыха. Но борьба за Арзрум уже была в преддверии конца войны. «Арзрум, — пишет он в «Путешествии...», почитается главным городом в Азиатской Тур-

ции [2, т. VIII (с. 477)]. И далее: «Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою» В доказательство следуют стихи «Стамбул гяуры нынче славят..», в них есть строки, резко противопоставляющие Арзрум столице Османской империи:

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум;
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Символ Арзрума оказывается многозначным, олицетворяющим для поэта нравственные аспекты военной кампании.

Вторая строфа стихотворения тоже отражает не официальные, а пушкинские настроения, его взгляды на роль России в цивилизации Востока, в судьбе малых народов. Еще в начале своего путешествия Пушкин размышлял о причинах ненависти черкесов к русским: («Мы вытеснили их из привольных пастбищ..»), об их военных повадках, о пагубном влиянии, с его точки зрения, на них Корана. Пушкин видел решение проблемы в приобщении кавказских народов к христианской культуре. «Должно, однако ж, надеяться, — писал поэт-историк, — что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться» [2, т. VIII, с. 449]. В путевых записках 1829 г. Пушкин размышлял: «Разве истина дана для того, чтобы скрывать ее под спудом. Мы окружены народами пресмыкающимися во мраке детских заблуждений — и никто еще из нас не подумал препоясаться и идти с миром и крестом к бедным братьям, доныне лишенным света истинного» [2, т. VIII, с. 1035]. Теперь будет более понятен смысл второй строфы упомянутого стихотворения:

И дале двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвскина вовлекла
В свои объятия тугие.

С точки зрения поэта, Адрианопольский мир давал возможность сближения других народов Причерноморья с Россией, их вовлечения в христианский мир. «Объятия тугие» — узы содружества, духовного покровительства, залог будущего самостояния. «Государственные идеи» поэта, даже если они в чем-то иллюзорны, были на высоте гуманистических требований, высоких нравственных принципов.

Примечания

1. Бестужев-Марлинский А. А. Соч. В 2 т. М., 1958.
2. Пушкин. Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1937—1949.
3. Русский архив. 1901. Кн. III.
4. Халатов В. «Жадно глядел я на библейскую гору...» О путешествии А. С. Пушкина в Армению // Вопросы литературы 1994. Вып. V.
5. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
6. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986.
7. Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., 1973.
8. Тифлиские ведомости. 1830, 26 февраля.

В. Г. МАРАНЦМАН
(Санкт-Петербург)

ТРАДИЦИИ ШЕКСПИРА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Приверженность Пушкина Шекспиру, которого он называл «отцом нашим», была сыновней. Обычно Пушкин недолго ходил в учениках. Так было с Державиным и Жуковским, Вольтером и Байроном. Возникший после кризиса 1823 года интерес к Шекспиру у Пушкина стал неотступным. Пушкинисты давно и справедливо указывали на роль Шекспира в творческой эволюции поэта.¹ Общение с Шекспиром было признаком и стимулом движения Пушкина к реализму, демократизации его поэтической системы. «...Мудрено отъять у Шекспира в его «Отелло», «Гамлете», «Мера за меру» и проч. — достоинства большой народности», — писал Пушкин.²

«Народные законы драмы Шекспировой», о которых писал Пушкин в статье о «Марфе Посаднице», откровеннее всего сказались в «Борисе Годунове». Но и лирика, поэмы, проза, роман в стихах полны напоминаний о Шекспире. Не будем утомлять читателя перечислением многочисленных реминисценций из Шекспира в пушкинских текстах. Их обилие свидетельствует о внутренней близости английского драматурга и русского поэта в самой личной сфере творческого процесса — образности.

«Вот окна, из которых жизнь ушла», — говорит Шекспир о мертвом теле в «Ричарде III».

Описывая смерть Ленского в «Евгении Онегине», Пушкин пишет:

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. С. СКОВОРОДЫ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИК

к 60-летию
ЛЕОНИДА ГЕНРИХОВИЧА
ФРИЗМАНА

Харьков
1995